

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

Эволюция подходов к проблеме наследственного статута

*Абраменков М.С.**

Современное состояние гражданского оборота характеризуется тем, что «выход» наследственных отношений за пределы границ одного государства уже не является чем-то уникальным. Интенсивная миграция населения, «смешанные» браки, рождение в подобных союзах детей и т.д. – все это порождает проблемы адекватного правового упорядочения общественных отношений в условиях интернационализации. В то же время не будет искажением истины утверждать, что интернационализация, обуславливающая решение правовых проблем наследования, характерна не только для современного гражданского оборота, на что обращается внимание в доктрине¹. Уже в ранних правовых памятниках Древней Руси соответствующие вопросы наследования стали предметом регулирования².

Если же в национальных правовых системах каких-либо государств не содержится подобных единообразных правил, созданных посредством международно-договорных инструментов (а зачастую

* Абраменков М.С. – старший преподаватель кафедры права Димитровградского филиала Ульяновского государственного университета (Ульяновская область), аспирант Московской государственной юридической академии.

¹ См., например: *Ануфриева Л.П.* Международное частное право: В 3 т. Том 2. Особенная часть: Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: БЕК, 2002. С. 519.

² См. об этом подробнее: *Сергеевич В.И.* Лекции и исследования по древней истории русского права. Санкт-Петербург: Типография М.М. Стасюлевича, 1910. Приложение. Греческое и русское право в договорах с греками X века; *Гретьер В.Э.* Материалы к истории литературы международного права в России (1647-1917). М.: Зерцало, 2003.

дело обстоит именно так), то наследственные отношения, даже являющиеся в силу различных обстоятельств по своему фактическому составу международными, должны быть подчинены определенному национальному правопорядку или таковым нескольким. В подобной ситуации наследственное отношение за счет тех или иных факторов может быть юридически «привязано» к двум или более правопорядкам, вследствие чего правоприменитель неизбежно сталкивается с проблемой выбора: нормами какой национально-правовой системы должно оно быть урегулировано: собственными или иностранными, а если иностранными, то какими принципами надлежит руководствоваться при их выборе? Такую ситуацию в доктрине и практике МЧП традиционно именуют *коллизионным вопросом*. Задача суда или иного компетентного органа в данном случае состоит в том, чтобы определить, какой национальный правопорядок будет регулировать частное отношение международного характера *по существу*, т.е. выступать для данного отношения в качестве его *статута* (*lege causae*). Решение данной задачи имеет определяющее значение для адекватного правового упорядочения отношений, составляющих объект регулятивного воздействия норм МЧП, в том числе таковых наследственных.

Проблема формулирования правил отыскания наследственного статута имеет в МЧП длительную историю. Проследив схематично основные этапы развития МЧП, можно убедиться, что подходы к определению правопорядка, компетентного для целей регламентации отношений по наследованию, связанных с несколькими самостоятельными правовыми системами, не были статичными, но, напротив, претерпевали соответствующие изменения и развивались сообразно состоянию обществ в государствах мира и международного гражданского оборота.

Глоссаторы и постглоссаторы. Первоначально понятием «статут» обозначали «материальное регулирование – закон – как исходную точку вопроса о применимом праве»³. С X в. начинается рост экономического и культурного значения городов Северной и Средней Италии. Право этих городов-государств облекалось в «статуты». Статут в основном представлял собой письменную фиксацию обычного права более раннего периода. Один из юристов около 1215 г. дал следующее определение статута: «Статут есть добровольно принятая

³ См.: *Junker A. Internationales Privatrecht. München, 1998. S. 188.*

норма, которая происходит из народного обычая»⁴. Сходным образом подходил к дефиниции понятия «статут» Дж. Стори⁵.

Таким образом, изначально под статутом понимали *письменный источник права, действовавшего внутри определенного государственного образования, например в городской общине, который заключал в себе нормы как публичного, так и частного, в том числе наследственного, права*.

В своем содержании городские статуты существенно расходились. В то же самое время торговые сношения между различными городами, а также между Италией, с одной стороны, и Сирией, Аравией, Испанией и Южной Францией – с другой, требовали установления норм, регулирующих выбор статута, подлежащего применению в том или ином случае. Здесь не последнюю роль сыграла и активная миграция населения, обусловленная частыми вооруженными конфликтами итальянских общин между собой. Результатом столь интенсивного – добровольного или вынужденного – перемещения лиц стали столкновения «иностранцев и еще чаще иногороджан с местными порядками» при вступлении данных субъектов в различные отношения частного характера⁶.

В XIII в. итальянская общественная жизнь начала все чаще выдвигать случаи, когда судьям приходилось задумываться именно над коллизионным вопросом: иноземное или местное право, римское или статутное, и какой статут, если сталкиваются два из них, надлежит применить при разрешении частноправовых споров.

Похожая ситуация складывалась во Франции. Французские города XIII в., как пишет М.И. Брун, «не могли равняться с итальянскими по своему культурному и политическому значению, но в отношении обилия местных порядков Франция, благодаря им, напоминала архипелаг. Уже в XII в. наряду с обычаями («кутюмами». – М.А.) целых областей многие французские города имели свои хартии... В XIII в. у ряда больших и сильных городов южной Франции появляются свои статуты». Отсюда и у французских юристов интерес к вопросам, создаваемым конфликтами между кутюмными и статутными источни-

⁴ Цит. по: *Вольф М.* Международное частное право. М.: Инстр. лит., 1948. С. 37.

⁵ См.: *Story J.* Commentaries On The Conflict Of Laws. 3-d ed. Boston, London, 1846. P. 15-16.

⁶ См.: *Брун М.И.* Очерки истории конфликтного права. М., 1915. С. 7.

ками права⁷. Чем же руководствовались средневековые профессора и юристы-практики при разрешении коллизионной проблемы?

Основным источником познания права в раннем средневековье было изучение текстов римского права, в котором усматривали «писанный разум» и которое считали пригодным для всех времен и народов. Оно носило субсидиарный характер по отношению к партикулярным правовым установлениям городских общин, и в нем искали ответ на любой юридический вопрос, в том числе коллизионный. Естественно, что римский текст далеко не всегда содержал искомое решение и его довольно часто искусственно приспособляли к имеющемуся казусу. Такая «адаптация» римского права осуществлялось посредством комментирования *Corpus Iuris Civilis*. Создаваемые таким образом комментарии именовались глоссами, а сами комментаторы – глоссаторами. Как отмечал М.И. Брун, работа средневековых комментаторов заключалась «только в более или менее удачном подборе мест, которые казались подходящими вследствие встречи сходных слов»⁸ (хрестоматийным примером в этом отношении выступает знаменитая «глосса Аккурсия»)⁹.

На смену доктрине глоссаторов пришла теория постглоссаторов, или комментаторов (XIV–XV вв.), которые, не удовлетворяясь глоссами, писали более пространственные пояснения к римским текстам. Наиболее известный ее представитель итальянский профессор права Бартол (1314–1357 гг.) по сравнению со своими предшественниками несколько иначе подошел к проблеме определения применимого права. Его интересовали два вопроса: а) имеет ли силу статут за пределами той территории, на которой он был издан; и б) распространяет ли статут свое действие на иностранцев, находящихся на территории, подвластной статуту? Иными словами, исследователь ставил своей целью установить, допустимо ли применение иностранного права на территории данного государства, если по своему фактическому составу общественное отношение связано с несколькими правовыми порядками (например, когда в нем участвует иностранец).

На оба указанных выше вопроса давался один и тот же ответ: одни статуты имеют силу только в пределах определенной территории, дру-

⁷ См.: Брун М.И. Указ. соч. С. 8.

⁸ Там же. С. 15.

⁹ См.: Луиц Л.А. Курс международного частного права в трех томах. М.: Спарк, 2002. С. 124.

гие наделены экстерриториальным эффектом; точно так же и применительно к распространению статута на иностранцев: одни статуты действуют в отношении них, а другие – нет. Впервые в истории МЧП была предпринята попытка построения *теории* разрешения коллизий между статутами, для чего требовалось сформулировать *общее понятие* статута и дать критерий классификации статутов. Для решения поставленной задачи необходимо было подвергнуть анализу не римские юридические тексты, а сами статуты, т.е. национально-правовые нормы¹⁰. В качестве примера можно указать на следующий казус.

Один из английских статутов того времени устанавливал, что к наследованию призывается старший сын наследодателя. Возникает вопрос: чье право будет регулировать наследование, если умерший имел имущество в нескольких государствах? Бартол полагал, что нужно внимательно вчитываться в слова статута или обычая. Возможно, что в этих словах содержится распоряжение вещью (*имущества* умирающих пусть достаются старшему – *Vona decedentis, ut veneant Primogenitum*); в этом случае наследование регламентируется согласно статуту места, где вещи находятся, потому что закон касается самих вещей, не принимая во внимание того, владеет ли ими гражданин городской общины или иностранец. Но возможно и то, что в словах статута содержится распоряжение о лице (пусть наследует *старший* – *Primogenitus succedat*). В этом случае наследственные отношения регламентируются иначе: если умерший был иностранец, но имел в Англии владения, то статут на него и его сыновей не распространяется, потому что вообще распоряжение, касающееся лиц, не распространяется на иностранцев; если же умерший был англичанин, то старший сын наследует в том имуществе, которое осталось в Англии, а прочее поступает в раздел между всеми детьми согласно общему праву. Окончательным выводом итальянского исследователя стал тезис о том, что английское правило не распространяется на имущество, находящееся за границей. Так была доктринально сформулирована коллизионная привязка наследования недвижимости – *lex rei sitae*, применяющаяся и поныне.

Современники Бартола и более поздние исследователи¹¹ полагали, что в данном казусе был применен метод буквальной интерпре-

¹⁰ См.: Брун М.И. Указ. соч. С. 34.

¹¹ См.: Story J. Op. cit. P. 22; Pillet A. Traité pratique de droit international privé. T. II. Paris, 1924. P. 326; Вольф М. Указ. соч. С. 40; Rabe E. The Conflict of Laws. A Comparative

тации, при котором решение зависит от расположения слов в статуте. Русский правовед М.И. Брун придерживался иного мнения, считая, что для Бартола важным было выяснить не порядок слов в статуте, а намерение законодателя, вкладываемое в рассматриваемую норму о наследовании. Намерение это, в свою очередь, может быть раскрыто только путем толкования текста: «Бартол говорил совсем не то, что ему приписывали: не то важно для него, с какого слова начинается текст закона, а то, на что падает ударение законодателя»¹².

Как видно из изложенного, постгlossаторы пытались вывести коллизионные принципы не столько из текстов римского права, сколько из содержания материально-правовых норм национального законодательства посредством их толкования и классификации. В связи с этим необходимо отметить, что само по себе толкование материальной нормы не может привести к обоснованию применения того или иного коллизионного правила, так как эта норма никаких необходимых предпосылок для соответствующих выкладок не содержит. Толкуя соответствующее национальное правоположение о наследовании, мы можем уяснить лишь то, как регулируется переход имущества по наследству *в соответствующем государстве* и не более того. Именно на данное обстоятельство указывал М.И. Брун, отмечая, что «из того, что закон говорит: пусть наследует старший сын (материально-правовое содержание закона), не следует вовсе, что конфликтная норма требует применения именно этого закона»¹³.

Статутарии. В дальнейшем проблема формулирования правил отыскания статута международного частного отношения была предметом исследования представителей другой научной школы – статутариев (XVI–XVIII вв.). Ее появление было обусловлено феодальной раздробленностью европейских государств – Франции, Италии, Германии и, как следствием этого, наличием коллизий между обычаями («кутюмами») провинций внутри страны. Наибольшей известностью пользовалась французская ветвь этой школы, представителями которой являются Шарль Дюмулен (1500–1566 гг.) и Бертран д’Аржантрэ (1519–1590 гг.).

Сущность статутарной доктрины заключается в том, что законы и обычаи делились на две категории – реальные (территориальные)

Study. Vol. 4. 1958. P. 268; *Kege G. Internationales Privatrecht.* München, 1971. S. 66.

¹² См.: *Брун М.И.* Указ. соч. С. 42.

¹³ См.: Там же.

и персональные (экстерриториальные). К первой категории относились постановления о вещах, не имевшие действия за пределами провинции, ко второй – постановления о лицах, имевшие экстерриториальную силу. Как видим, генетически идея о том, что коллизионный принцип можно найти посредством отнесения внутригосударственной материальной нормы к той или иной группе, восходит к учению Бартола с тем различием, что статутарии в основу классификации правовых норм, именуемых статутами, кладут не характер нормы, а объект регламентации – вещь или лицо. Теоретическое обоснование такой классификации состояло в следующем: «Беспорная обычная практика такова, что, когда речь идет о недвижимостях, лежащих в разных местах и спор возникает о том, по какому закону определяется приобретение или переход собственности, то действует закон места, где находится недвижимость... Иное следует сказать о праве лиц и о движимостях, которыми, как и лицами, управляет закон domicilio»¹⁴. При этом личными и имеющими экстерриториальное действие считались только те статуты, которые касаются гражданского состояния лица в целом, – объявляют его расточителем, ошельмованным, отлученным от церкви и пр. Если же ограничены только отдельные права лица, то такие ограничения не выходят за пределы юрисдикции статута. Кроме того, была выделена третья группа статутов – смешанные, в которых присутствуют нормы и о лицах, и о вещах, но первые превалируют. Фактически такие статуты считались реальными.

В основу отыскания права, применимого к наследственным отношениям трансграничного (т.е. и межгосударственного, и межобластного) характера, статутарии клали принцип реальности, в соответствии с которым, во-первых, наследование всегда подчиняется закону того места, где наследственное имущество находится, и, во-вторых, соответствующие материально-правовые нормы имеют силу только в пределах той юрисдикции, где они были изданы¹⁵. Следовательно, в том случае, если умерший оставил после себя имущество в нескольких областях, налицо будет несколько независимых друг от друга наследований¹⁶.

Резюмируя взгляды французских статутариев, венгерские исследователи Ф. Мадл и Л. Векаш, отмечают, что «в те времена земля была

¹⁴ См.: Брун М.И. Указ. соч. С. 58.

¹⁵ См.: Брун М.И. Указ. соч. С. 62.

¹⁶ См.: Pillet A. Op. cit. P. 327.

наиболее важным объектом собственности, и ее юридическая судьба была неотделима от общей системы поземельных отношений в данном государстве»¹⁷.

В отношении наследования движимостей статутарии исходили из того, что движимое имущество «следует за лицом» (*mobilia personam sequuntur et situm habere negantur*), а статус такого имущества определяется правом того места, где собственник имеет домицилий¹⁸.

Особенным успехом статутарная доктрина пользовалась в Нидерландах, так как ее постулаты отвечали политической ситуации в стране. Каждая голландская провинция в XVII в. имела собственное право, которое, помимо прочего, было символом ее государственной самостоятельности (Франция в те времена была политически единой).

Основные положения учения голландских статутариев о применимом праве состояли в следующем. Павел Вут (1619–1677 гг.) первым предложил различать объект регламентации статута и его сферу действия в пространстве как самостоятельные критерии классификации статутов. По объекту все статуты делились на три группы: личные, реальные и смешанные. Исследователь особо отмечал, что при отнесении статутов в ту или иную группу надо принимать во внимание не столько слова статута, сколько намерение законодателя – хочет ли он установить правило именно о лице или об имуществе (напомним, что об этом говорил и Бартол). К личным относились те статуты, которые касаются правового положения лиц, к реальным – те, которые содержат правила об имуществе, к смешанным – те, которые регламентируют форму юридических действий (договоров, завещаний и пр.). По признаку действия в пространстве статуты делятся также на три группы. При этом к реальным статутам относятся такие, которые не простирают своего действия за пределы той территории, на которой были изданы, но в то же время обязывают иностранцев, имеющих на данной территории недвижимость. Личный статут сопутствует лицу везде, где бы оно ни находилось, и применяется также к имуществам, расположенным в месте жительства лица; данный статут не распространяется на иностранцев и на недвижимое имущество, расположенное на иной территории. Смешанные статуты имеют силу и внутри, и вне своей территории и регламентируют форму юридических действий.

17 См.: *Mádl F., Vékás L. The Law of Conflicts and Foreign Trade. Budapest, 1987. P. 288.*

18 См.: *Ibid.*

Сравнивая основные положения статутарной доктрины во Франции и Нидерландах, следует отметить, что представители последней стояли на той позиции, что, во-первых, нормы внутригосударственного частного права действуют только в пределах территории, подвластной издавшему их законодателю, и, во-вторых, только государство своим суверенным повелением может допускать или ограничивать действие иностранного права в пределах своей юрисдикции. При этом, по мнению одного из представителей голландской школы Ульриха Губера, «вежливость» государств по отношению друг к другу следует понимать как «совокупность реальных жизненных потребностей»¹⁹, вытекающих из необходимости развития и расширения международного общения.

Последствия голландского законодательного партикуляризма отличались особой сложностью именно в области наследственных отношений, особенно если наследственное имущество находилось в разных провинциях. Указанное обстоятельство с необходимостью порождало коллизию между личным законом наследодателя и законом места нахождения имущества. Дело в том, что в трудах голландских юристов того времени высказывалось мнение о целесообразности подчинения наследственных отношений разным правопорядкам: наследование недвижимости должно было подпадать закону места ее нахождения, в отношении же движимостей предлагалось применять личный закон наследодателя на момент его смерти, что отвечало социально-экономической ситуации того времени (все большее значение в гражданском обороте приобретали деньги, акции и иные ценные бумаги, иное имущество, не являющееся недвижимым)²⁰.

Привязка наследственных отношений к личному закону умершего – закону его domicilio – в отдельных случаях уже существовала в качестве нормативно закрепленной. Так, города Гент и Ипр получили в свое время от фландрского графа привилегию, чтобы наследство после их граждан подлежало разделу по обычаю их domicilio, но суды не признавали этой привилегии, потому что она противоречила тому правилу, что вопросы о недвижимостях решаются по обычаю места их нахождения. В дальнейшем это правило было подтверждено в «вечном эдикте», изданном в 1611 г. испанскими правителями

¹⁹ См.: *Huberus U. De conflictu Legum*, 1689 // Приводится по: *Пуленко А.А. Очерки по систематике частного международного права*. СПб., 1911. С. 13-14.

²⁰ См.: *Mádl F., Vékás L. Op. cit.* P. 288; *Story J. Op. cit.* P. 821-823.

Альбертом и Изабеллой для южных голландских провинций. В нем указывалось, что если в месте пребывания завещателей и в месте нахождения их имущества обычаи постановляют о завещательных распоряжениях различное, то вопросы о свойствах имущества, о том, можно ли их завещать, в каком возрасте и в какой форме и обрядности, должны решаться по правилам места нахождения имущества. Правда, в 1634 г. последовало разъяснение, что положения эдикта не касаются формы завещательных распоряжений.

На основе изложенного представляется возможным заключить, во-первых, что на протяжении XIII–XVIII вв. под статутом понимали совокупность определенных материальных норм, действовавших на определенной территории. Во-вторых, при обосновании тех или иных коллизионных принципов, служащих для отыскания правовых норм, компетентных регулировать наследственные отношения, выходящие за пределы одной государственно-правовой общности, совершенно не подвергалась анализу природа этих отношений. В-третьих, указанные принципы выводились из принадлежности отдельных внутригосударственных норм страны суда к той или иной категории²¹. Между тем из такой классификации не вытекает необходимость или возможность использования той или иной коллизионной формулы. Необходимо, чтобы правила разрешения коллизий законов существовали в качестве *юридических норм (то есть выражали волю суверена)*, а не только в виде доктринальных построений или практики юрисдикционных органов. В-четвертых, в отмеченный период наблюдается изменение подходов к правовой регламентации международного наследования. Если глоссаторы и постглоссаторы брали за основу место нахождения имущества и считали, что компетентным правом будет выступать закон того места, где имущество находится (*lex rei sitae*)²², то статутарии, напротив, являлись сторонниками дифференциации коллизионного регулирования в зависимости от того, какое имущество входит в состав наследственной массы: недвижимости всегда должны были подчиняться *legi rei sitae*, а движимости – *legi domicilii defuncti*. Наконец, в-пятых, и средневековые комментаторы, и статутарии полагали, что предложенные ими коллизионные

²¹ См.: Вольф М. Указ. соч. С. 45.

²² См.: von Savigny F.K. System des heutigen Römischen Rechts. Bd. 8. Berlin, 1849. S. 300.

принципы имеют или по крайней мере должны иметь универсальный, «сверхнациональный» характер²³.

Учение о статуте отношения в конце XVIII–XIX вв. Конец XVIII столетия в Европе был ознаменован началом процесса кодификации частного, в том числе коллизионного, права, что должно было привести к коренному пересмотру доктринальных положений, касающихся статута частного отношения. В 1756 г. издается баварский гражданский кодекс (Гражданский кодекс Максимилиана Баварского), в 1794 г. – прусское Общее уложение, в 1804 г. – французский гражданский кодекс (Кодекс Наполеона), в 1811 г. – австрийский гражданский кодекс. В этих кодексах были легально закреплены основные положения статутарной доктрины – недвижимости подчинялись месту их нахождения, личный статус физического лица и движимости подпадали под действие закона места жительства (гражданства) лица, а форма акта подчинялась месту его совершения. Однако данное обстоятельство ни в коем случае не должно приводить нас к мысли о «победе» теории статутов. Баварский ГК в отношении обозначения применимого права еще сохранил терминологию статутариев (*statuta realia, personalia et mixta*), прусское «Общее уложение» уже оперирует понятием «компетентного права» (*maßgebend Recht*), Кодекс Наполеона использует общий термин – «закон» (*loi*), австрийский ГК говорит о «праве» (*Recht*).

Особый интерес здесь представляет Гражданский кодекс Франции, в особенности его ст. 3, которая содержит следующие положения: «Законы благоустройства и безопасности обязательны для всех проживающих в стране. Недвижимости, даже принадлежащие иностранцам, подчинены французскому закону. Законы, относящиеся к состоянию и правоспособности лиц, распространяются на французов, даже проживающих за границей». На первый взгляд, может показаться, что указанные правила означают не что иное, как восприятие статутарной доктрины национальным законодательством. Однако на деле мы видим «почетную отставку» теории статутов²⁴, так как упомянутые коллизионные принципы вытекают не из доктринальной классификации гражданско-правовых норм, что составляло, как отмечено выше,

²³ См.: *Вольф М.* Указ. соч. С. 45.

²⁴ Своеобразные попытки «рецепции» статутарной доктрины были предприняты во Франции в труде Варейль-Соммьера (*Vareililes-Sommières*) “*La synthèse du droit international privé*” (1897).

фундамент учения статутариев, а из воли законодателя, суверенно устанавливающего общеобязательные правила отыскания применимого права. Коллизионные принципы обрели *юридическое нормативное бытие*.

Коренная перестройка национального частного права в XIX в. не могла не затронуть юридическую доктрину. Внимание исследователей того времени сосредоточилось на том, чтобы сформулировать основные принципы построения систем внутригосударственного коллизионного права. Наиболее значительными концепциями того времени являются теории, разработанные Дж. Стори (США) и Ф.К. фон Савиньи (Германия).

Член Верховного Суда США Дж. Стори опубликовал в 1834 г. свои известные комментарии к коллизионному праву, упомянутые выше. Он не построил свою книгу всецело на английских и американских решениях, а использовал также и труды континентальных авторов XVII–XVIII столетий, в частности голландских и французских.

Дж. Стори для целей формулирования своей концепции коллизионного права выдвинул несколько общих положений (*general maxims*), «без явно выраженного или молчаливого признания которых не представляется возможным установить какие-либо принципы управления поведением народов или регулирования должного отправления правосудия»²⁵. Содержание этих принципов состояло в том, что, во-первых, власть государства распространяется на всех лиц, находящихся в пределах его территории, и на любое имущество, в этих пределах расположенное. Во-вторых, ни одно государство не может распространить свой суверенитет и юрисдикцию за пределы собственной территории. Однако, принимая во внимание нужды развивающегося хозяйственного оборота, нельзя абсолютно исключить действие иностранных законов на территории своего государства. Основой такой «экстерриториальности», по мнению Стори, служит «международная вежливость» (*comity of nations*), основывающаяся на общей пользе, которую имеют все нации от признания действия иностранных законов на своей территории. Надо сказать, что эта концепция сохранилась в странах «общего права» вплоть до настоящего времени²⁶. Сообразно указанным принципам, коллизионно-правовое регулирование отношений по наследованию Стори конструировал на основе

²⁵ См.: *Story J. Op. cit.* P. 28.

²⁶ См.: *Graveson R.H. The Conflict of Laws.* 3rd ed. London, 1955. P. 9.

разделения наследственной массы на две относительно самостоятельные части – движимую и недвижимую – и подчинения первой закону domicilia наследодателя на момент его смерти, а второй – закону места нахождения недвижимости.

Поистине эпохальным для доктрины МЧП, особенно для учения о принципах определения применимого права, явились труды немецкого правоведа, основателя исторической школы права Фридриха Карла фон Савиньи (1779–1861). Основные положения своей теории он изложил в восьмом томе «Системы современного римского права», названном «Власть правовых норм над правоотношениями»²⁷.

Савиньи выделил два вида коллизий права: 1) межобластные, возникающие между различными правопорядками внутри одного государства; 2) межгосударственные, которые состоят в том, что коллидирующие правопорядки принадлежат к независимым государствам²⁸. В последнем случае правоприменитель должен разрешать спор о правоотношениях, которые по своему фактическому составу (например, по месту исполнения договорного обязательства, по месту нахождения имущества, составляющего предмет спора), связаны с иностранным правом. Значит, нужно определить принципы, с помощью которых следует отыскивать правопорядок, компетентный регулировать такие отношения. При этом не вызвала сомнений констатация, что применение иностранного права к международным частным отношениям не только возможно, но и необходимо. Указанный тезис Савиньи обосновывал следующим образом: «чем разнообразнее и оживленнее становится общение между народами, тем более следовало бы убедиться, что разумнее не придерживаться этого строгого принципа (применения только собственного права. – М.А.), но, напротив, заметить его на противоположный. Этого требует взаимность в построении правовых отношений и вытекающее отсюда равенство статуса («характеристики» – *Beurteilung*. – М.А.) соотечественников и иностранцев, которое, в общем и целом, служит для общей пользы народов и отдельных лиц». В конечном итоге это равенство должно при-

²⁷ Само собой разумеется, что правовые нормы «властвуют» над общественными отношениями, которые в результате регулятивного воздействия становятся правоотношениями. В труде Савиньи речь идет о том, что необходимо определить, какому правопорядку будут подчиняться общественные отношения, которые внутри национальной правовой системы обычно регулируются теми или иными нормами права.

²⁸ См.: *von Savigny F.K.* Op. cit. S. 19.

водить к тому, что в каждом государстве иностранец не будет ущемлен по сравнению с собственными гражданами. Из этого следует, что в случаях коллизии законов соответствующие правоотношения также должны получать одинаковую квалификацию, независимо от того, где они возникли²⁹.

Савиньи указывал, что для каждого вида частных отношений следует определить привязку их к определенной местности, к отдельному правопорядку: «для каждого класса правоотношений должно быть установлено определенное место» (... für jede Klasse der Rechtsverhältnisse ein bestimmter Sitz aufgesucht werden soll). Следуя этой мысли, исследователь выводит формулу, в соответствии с которой «для каждого правоотношения отыскивается такой правопорядок, к которому оно по своей собственной природе принадлежит или подчиняется»³⁰.

Таким образом, по его мнению, должны быть установлены четкие критерии «оседлости» правоотношений. Для целей анализа их природы были выделены следующие категории правоотношений: статус лица как такового (правоспособность, дееспособность); вещное право; обязательственное право; наследственное право; семейное право (брак, родительская власть, опека). Среди фактических обстоятельств, влияющих на «оседлость» правоотношения, автором были названы следующие: место жительства лица – участника отношения; место нахождения вещи, с которой связано отношение; место совершения какого-либо юридического действия; место нахождения суда, рассматривающего спор³¹. Как видим, Савиньи имел целью проанализировать фактическую, материальную природу отношения, чтобы определить, к какой местности оно тяготеет, – право же, действующее в этой местности, и будет выступать в качестве применимого.

Итак, для того чтобы найти «место» (Sitz) наследственных отношений, необходимо обратиться к их сущности³². Она заключается «в переходе имущества после смерти владельца к другим лицам. В основе этого перехода лежит искусственное продолжение силы, равно как и воли человека за пределами его жизни»³³. В данном случае исследо-

²⁹ См.: *von Savigny F.K. Op. cit. S. 26–27.*

³⁰ *Ibid. S. 28, 108.*

³¹ См.: *von Savigny F.K. Op. cit. S. 120-121.*

³² См.: *von Savigny F.K. System des heutigen Römischen Rechts. Bd. 1. Berlin, 1840. S. 379-386.*

³³ См.: *von Savigny F.K. System des heutigen Römischen Rechts. Bd. 8. Berlin, 1849. S. 295.*

ватель разделяет взгляд на сущность наследования, высказанный его соотечественником Менкеном еще в XVIII в.³⁴ Воля покойного может быть выражена непосредственно (при наследовании по завещанию) либо молчаливо (при наследовании по закону). Савиньи полагает, что наследование настолько связано с личностью умершего, что должно регламентироваться правом места его жительства на момент его смерти³⁵. Истинность своего тезиса Савиньи доказывает «от противного»: «Если не рассматривают местожительство наследодателя как фактор, определяющий применимое к наследованию право, то не остается никакого другого места, к которому мы могли бы привязать это право, кроме места, где находится оставленное имущество – наследственная масса, т.е. должен применяться *lex rei sitae*. Но где это место? Имущество в целом представляет собой некий идеальный объект с совершенно неопределенным содержанием, включающий в себя, по всей вероятности, право собственности и иные права на отдельные вещи, долги и обязательства, причем состав последних нельзя увидеть. Таким образом, имущество находится везде и нигде, и определить для него *locus rei sitae* совершенно невозможно. Использование права, действующего в месте нахождения «большой части» наследственного имущества, также было бы очень произвольным, отчасти потому, что это понятие достаточно неопределенно, а также потому, что меньшая часть имущества аналогичным образом претендует на регулирование. Если мы отказываемся и от этого фактора, то остается только один – место нахождения наследственной массы вообще, т.е. каждой отдельной вещи, принадлежащей к наследственному имуществу. Но это могло бы привести к тому, что для значительно разбросанного и распространенного (имеется в виду территориальная распространенность) имущества применялись бы совершенно разные законы. При этом они охватывали бы только часть наследственной массы (вещные права), не касаясь другой ее части (обязательств). Ясно, что подобный подход является совершенно произвольным и безосновательным и не ведет к истине, создавая одну лишь видимость ее»³⁶.

Серьезным препятствием для адекватного коллизионно-правового регулирования наследственных отношений Савиньи считал принятую в германском праве жесткую дифференциацию в правовом режиме

³⁴ См.: *Madl F., Vekas L.* Op. cit. P. 289.

³⁵ См.: *von Savigny F.K.* Op. cit. S. 295-296, 299.

³⁶ См.: *von Savigny F.K.* Op. cit. S. 296-297.

движимого и недвижимого имущества, что приводило к «расщеплению» единой имущественной массы. Если же отвергнуть эту дифференциацию, то имущество всех видов получало бы единую правовую квалификацию³⁷.

Всецело разделяя концепцию универсального правопреемства, Савиньи тем не менее полагал, что она сама не влияет на то, какие коллизионные принципы будут применяться к наследственным отношениям международного характера³⁸.

Учение Савиньи легло в основу законодательной и правоприменительной практики Германии и ряда других европейских стран, причем не только континентальных, но и стран «общего права» – Австрии, Франции, Италии, Греции, Англии. Как образно замечает английский исследователь М. Вольф, «Савиньи указал дорогу настолько далеко, насколько это возможно сделать в общей формуле»³⁹. Естественно, что в последующем данная теория подверглась некоторым модификациям в части того, к чему именно «тяготееет» каждое общественное отношение: немецкий последователь Савиньи О. фон Гирке стал говорить о «центре тяжести», а английский автор Уэстлейк – о «праве, с которым отношение наиболее тесно связано»⁴⁰.

В заключение представляется целесообразным высказать несколько соображений обобщающего характера. Во-первых, с начала XIX в. и по настоящее время практически общепризнанным является утверждение о том, что коллизионные правила должны быть сформулированы как *самостоятельные общеобязательные юридические нормы*. Именно государство, и только оно, своей верховной властью определяет сферы и пределы применения на своей территории иностранного частного права. Во-вторых, именно с помощью коллизионных норм стали определять то *национальное право*, которое должно регулировать частные отношения, связанные с несколькими национальными правовыми системами. Наконец, в-третьих, в основу конструирования коллизионно-правовых предписаний предлагалось закладывать такой принцип, как учет *природы общественного отношения*, подлежащего регламентации. Термином «статут» стали обозначать *право определенного государства*, которое в силу предписаний, содержащихся

³⁷ См.: Ibid. S. 115.

³⁸ См.: von Savigny F.K. Op. cit. S. 304–305.

³⁹ См.: Вольф М. Указ. соч. С. 53.

⁴⁰ См.: Вольф М. Указ. соч. С. 52.

в *коллизийных нормах*, является компетентным для целей регулирования частного отношения, связанного с правопорядками нескольких государств⁴¹, в том числе такового наследственного.

Хотя отмеченные выше признаки статута частного отношения и выступают в качестве конститутивных, представляется, что содержание данного понятия ими не исчерпывается.

Как известно, право регулирует различные виды общественных отношений. При этом в качестве первостепенного фактора при построении соответствующих юридических предписаний выступает природа частного отношения. Представляется, что верность данного тезиса не может подвергаться сомнению в зависимости от того, идет ли речь о внутренних или международных частных отношениях. Следовательно, если наследование квалифицируется как замена субъекта в определенных жизненных отношениях или, говоря юридически, как универсальное правопреемство, то это означает не просто «юридическую оболочку» или «юридическую форму» для раскрытия сути наследственного права, как считал, в частности, Савиньи⁴², а, напротив, указывает на использование определенных подходов к объяснению природы того социального явления, которое подпадает под воздействие правовых норм. При этом не имеет значения, о какой их разновидности идет речь – о материальных нормах внутригосударственного гражданского законодательства или о коллизийных нормах МЧП: правила разрешения конфликта законов, как уже было отмечено, также должны строиться с учетом природы регулируемых отношений.

В свете сказанного можно предложить следующее определение понятия «статут частного отношения»: *это тот правопорядок, с которым данное отношение связано по своей природе, цели и назначению и который регулирует данное отношение по существу*. В этой связи представляется целесообразным использовать специальный термин для обозначения наследственного статута – **lex successionis**. Данное понятие отражает объективную связь, существующую между определенным видом общественных отношений, нуждающихся в юридической регламентации, и правопорядком, компетентным регулировать эти отношения в силу не только их существа, но также природы, цели и назначения.

⁴¹ См.: *Iunker A.* Op. cit. S. 188; *Neuhaus H.* Die Grundbegriffe des Internationalen Privatrechts. Berlin, Tübingen, 1962. S. 74.

⁴² См.: *von Savigny F.K.* Op. cit. S. 297.

Предложенный подход позволяет не только анализировать коллизионно-правовое регулирование международных частных отношений в аспекте тех нормативных решений, которые уже наличествуют в различных национальных правовых системах, но и выявлять наиболее оптимальную модель разрешения коллизий законов применительно к тому или иному виду отношений⁴³.

The Evolution of the Approaches to the Problem of Hereditary Title (Summary)

*Mikhail S. Abramenzov**

The contemporary state of affairs is often characterized by the fact that hereditary relationships transcend the borders of one state. These cases are not unique due to migration of people, mixed marriages, etc. This leads to a problem of regulation of social relationships in the process of internationalization. Thus hereditary relationships having international character should be governed by the norms of a certain national legal order or of several such legal orders. The main task of the court or any other body in this case is to determine which national order is to be complied with, that is which legal order will serve as *lege causae* in a particular case.

Initially *lege causae* was understood as a written source of law, being in force on a particular territory, which included norms both from public and private, including hereditary, law. Later on the term *lege causae* was used in respect of the title of the state, which as included in conflict rules is relevant for the purposes of regulation of private legal relationships, related to the legal orders of several states, including the hereditary relationships.

⁴³ Анализ коллизионно-правового регулирования наследственных отношений в РФ с использованием указанного подхода проводился автором настоящей статьи. См.: *Абраменков М.С.* Некоторые проблемы коллизионно-правового регулирования наследственных отношений в Российской Федерации // Московский журнал международного права. 2006. № 4; *он же.* Коллизионно-правовое регулирование наследственных отношений в современном международном частном праве. Ульяновск: Ульяновский государственный университет, 2007.

* Mikhail S. Abramenzov – senior lecturer of the Chair of Law, the Dmitrovgrad branch of the Uliyanovsk State University, post-graduate student of the Moscow State Law Academy.